

Ту книжицу, разумеется, так и не купили. Чтобы ночью можно было спокойно спать, на лян серебра Цю Хэнянь купил для Цин Яня топ-дудоу*, прикрывающий спину.

Увидев покупку, лицо Цин Яня вновь порозовело. Выходя из лавки, он наклонился к уху Цю Хэняня и шепнул:

— Значит, тебе это нравится.

Цю Хэнянь не понял и удивленно посмотрел на него.

Цин Янь пояснил:

— Только что в книжной лавке, когда ты раскрыл ту страницу, человек на иллюстрации был в точно такой же одежде, как эта.

Цю Хэнянь снова ощутил то самое гудящее чувство в голове. Ведь он даже не обратил внимания, что было на той странице.

Объяснить все это было уже невозможно. Он стиснул зубы, коротко пробормотал «угу», приняв все как есть, и заставил себя не обращать внимания на выражение лица Цин Яня, которое явно говорило: «Вот видишь, я был прав».

В кондитерской лавке жена Лю Фа взвешивала пирог из кизила. Цин Янь захотел пирог из зеленых бобов-мунг — освежающее лакомство для знойных дней. Его можно есть прямо так — вкус нежно-сладкий, текстура песочная. А если растворить в воде, получится похлебка из зеленых бобов — отличное средство от жары. Он попросил продавца взвесить семь-восемь кусочков.

Теперь покупок хватало. Тем временем небо снаружи становилось все мрачнее. К счастью, повозка Лю Фа, развозившая тофу, уже заканчивала свой маршрут, и можно было на ней вернуться домой. Они собрались уходить.

И тут снаружи лавки раздался женский голос, громкий и раздраженный:

— Книгу, что ты хотел, купила, одежду тоже купила. Теперь еще и пирожные из семян лотоса просишь? Ладно, куплю. Но ты бы хоть немного поднатужился в учебе! Твой отец уже не первый раз спрашивает, куда уходит столько денег за месяц. Мне-то как перед ним отчитываться, а?

— Эх, мам, ну не надо же все это говорить на людях! А если кто услышит? Неловко же, — проворчал молодой мужской голос.

— Ты еще боишься, что услышат? Твой отец и так считает тебя бесполезным. Говорит, что зря тогда деньги на тебя потратил, да еще почти все серебро ушло до конца года. Теперь он потихоньку начинает на меня коситься. А если ты совсем ничему не научишься, как же я потом жить буду?

С этими словами женщина с молодым человеком вошли в кондитерскую лавку. Внутри случайно встретились две группы. Женщина, заметив Цю Хэняня и Цин Яня, сначала замерла от удивления, а потом натянула улыбку и воскликнула:

— Ой, да это же сам Ван-далан и Цин Янь!

Молодой человек, только что зашедший следом, тоже остановился. Его недовольное выражение сменилось смущением. Он тихо пробормотал:

— Брат...

Цю Хэнянь слегка кивнул им и остался стоять на месте.

Цин Янь, выйдя из-за его спины, тоже натянул фальшивую улыбку и сказал:

— Какое совпадение - встретить вас здесь!

Женщина пришла в себя и начала пристально осматривать Цин Яня с головы до ног.

Сегодня он нарядился, ведь вышел погулять в город. На нем была шелковая одежда, волосы украшала нефритовая заколка, на запястье сверкал браслет из яшмы. Лицо Цин Яня было свежим и белым, с легкой улыбкой на губах. Он совсем не походил на простого жителя отдаленной деревушки, скорее напоминал изнеженного юного господина из богатой семьи.

Взгляд женщины задержался дольше обычного на заколке в его волосах и браслете на руке, а затем переместился на многочисленные пакеты, которые держал Цю Хэнянь. Особенно долго она рассматривала вяленое мясо в оберточной бумаге из магазина деликатесов, в который сама заходила крайне редко.

— Цин Янь, ты знаком с этими людьми? — поинтересовалась стоявшая рядом жена Лю Фа, в голосе которой звучало любопытство.

Цин Янь взглянул на нее и с улыбкой ответил:

— Можно сказать, что знаком.

Эта женщина оказалась мачехой прежнего хозяина тела, женой Юй Фэнтана — Чжоу Яньляна. Молодой парень рядом с ней был его сводным братом, сыном от другого брака, Юй Цинси.

Чжоу Яньлян была женщиной с примечательной внешностью, но резкими чертами лица, выдающими ее сварливый характер. Ее брак с Юй Фэнтаном имел свои причины. Ее отец был палачом в уезде. Хотя он зарабатывал немалые деньги, его социальное положение было столь низким, что многие семьи даже слышать не хотели о союзе с таким домом.

После смерти первой жены Юй Фэнтана он долго не мог найти подходящую женщину, пока однажды не встретил Чжоу Яньлян, которая, несмотря на возраст, оставалась незамужней. Увидев ее внешность, он закрыл глаза на ее происхождение и, недолго думая, сделал предложение.

Чжоу Яньлян с детства обращалась с прежним хозяином тела крайне сурово: или била, или ругала. Когда он повзрослел и поднимать на него руку стало уже невозможно, она все равно продолжала относиться к нему, как к занозе в глазу, придираясь ко всему, что можно.

Изначально ее жестокость не достигала таких крайностей, но прежний хозяин тела был слишком умен, а ее собственный сын оказался совершенно бесполезным. Она боялась, что если приемный сын добьется успеха, то, после смерти Юй Фэнтана он непременно начнет мстить ей. Поэтому она решила действовать на опережение — попыталась сосватать его в самую плохую семью, чтобы навсегда лишить его возможности подняться.

Ранее Юй Цинси случайно проговорился, что в конце прошлого года на улице видел брата с каким-то «уродливым мужчиной». Он еще сказал, что своими глазами видел, как его брат зашел в ту мясную лавку, в которую их семья обычно не решалась ходить. Он также отметил, что его брат изменился — уже не такой мрачный и молчаливый, как раньше. Одет он был так, что больше походил на господина из уездного города.

Чжоу Яньлян на словах заявила, что Юй Цинси выдумывает небылицы и говорить подобное просто нельзя. Но внутри у нее все кипело, из-за чего она не могла спать всю ночь. Семья Юй носила звание семьи ученых, но Юй Фэнтан оставался простым туншэном вот уже несколько десятков лет. За это он не получал ни копейки жалования. Его каллиграфия и живопись были весьма хороши, в прежние годы они даже могли что-то стоить, но за последние семь-восемь лет их почти никто не покупал.

При этом его мастерство нисколько не ухудшилось, напротив, даже улучшилось. Но если ты не признанный ученый, то покупатели оценивают в первую очередь статус художника. А без должного положения такие работы даже не рассматривают.

Когда его каллиграфия и живопись перестали продаваться, он устроился переписывать книги для богатых господ. Денег это приносило немного, но все же больше, чем у обычных людей.

Однако Чжоу Яньлян была еще не так стара, чтобы терпеть подобную бедность. А Юй Цинси вырос баловнем, не знающим трудностей. Мать и сын тратили каждый месяц немалые суммы. Живя в стесненных обстоятельствах, Чжоу Яньлян, конечно, не могла спокойно воспринимать рассказы о чьей-то хорошей жизни, особенно когда это касалось людей, которых она больше всего опасалась. Поэтому она просто отказывалась верить, что у кого-то дела идут лучше, чем

у них.

В итоге Чжоу Яньлянь все-таки решила обратиться к знакомым, у которых были родственники в деревне Люси, чтобы узнать правду. Когда она все выяснила, ее едва не хватил удар. Оказалось, что у Юй Цин Яня и Цю Хэняня жизнь шла более чем успешно, да так, что в деревне Люси едва ли нашлись бы семьи, которые могли бы с ними сравниться. Более того, ходили слухи, что даже те, кто поддерживал с ними хорошие отношения, начали процветать.

Она думала, что, выдав замуж Цин Яня в эту семью, где Цю Хэнянь был грубым кузнецом, а амбиции Цин Яня так высоки, их жизнь точно будет беспокойной. Но, как оказалось, все ее ожидания не оправдались.

Чжоу Яньлянь, услышав все это, несколько раз порывалась лично съездить в деревню Люси, чтобы увидеть все своими глазами. И вот сегодня, впервые увидев Цин Яня, она заметила, что он выглядел куда более ухоженным и довольным жизнью, чем до замужества, совершенно не производя впечатления человека, измученного тяготами.

В лавке было многолюдно, и сначала Чжоу Яньлянь старалась держать себя в руках. Но стоило Цин Яню холодно и отстраненно ответить ей, как она сразу вспыхнула. Ведь раньше, когда она его била и бранила, он и слова возразить не мог. Теперь же, охваченная яростью, она не выдержала и, прямо на глазах у всех, ядовито произнесла:

— Твой отец недавно еще вспоминал о тебе. Праздники на носу, а ты даже домой заглянуть не хочешь. — ее взгляд скользнул на сверток в руках Цю Хэняня, и она невольно сглотнула слюну.
— Не знаю, есть ли у тебя совесть, раз тебя вырастили, а ты сам ешь за обе щеки да деликатесами налево и направо разбрасываешься. Ты хоть иногда думаешь о своем отце и младшем брате?

Эти слова, полные скрытых уколов, прозвучали так, что даже самый наивный человек понял бы в них злой умысел. Жена Лю Фа, только теперь осознав, кто эти двое, внимательно их оглядела.

История о замужестве Цин Яня в свое время наделала в деревне много шума. Хотя подробностей никто толком не знал, все сходились во мнении, что мачеха изводила сына первой жены. Недавно в деревне еще говорили, что семья Юй запретила ему возвращаться домой. Все думали, что эта история закончится полным разрывом отношений, но сегодняшняя сцена всех удивила.

Жена Лю Фа знала, что мачеха — человек не самый достойный, но вмешиваться в семейные дела не считала нужным. Она решила просто наблюдать, как Цин Янь ответит на столь явную провокацию.

Цин Янь, оказавшись в центре внимания, был обвинен в неблагодарности, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он спокойно сделал шаг вперед, поправил рукава своего халата и невозмутимым тоном спросил:

— Уже потратили все деньги, вырученные за продажу Цин Яня?

Лицо Чжоу Яньлянь моментально залила яркая краска.

— Ты...! — вскрикнула она, потрясая в его сторону пальцем, но от гнева и смущения не могла вымолвить ни слова. Слова Цин Яня ударили точно в цель, и она, растерянная, не знала, как ответить.

В этот момент вперед выступил Юй Цинси. Его лицо покраснелось, он явно хотел доказать свою правоту.

— Брат, как ты можешь говорить такое? Мы ведь одна семья. Дети обязаны быть почтительны к родителям. Даже если родители где-то не правы, мы не должны держать на них зла!

Цин Янь кивнул и, резко сменив выражение лица, изобразил жалость.

— Младший брат прав. Я знаю, как отец обо мне заботился. Когда мы с Хэнянем только поженились, все семейные сбережения тут же исчезли, — сказал он, взглянув с намеком на их с матерью нарядные халаты, которые явно были куплены совсем недавно. И было очевидно, куда ушли те самые сбережения.

Чжоу Яньлянь и Юй Цинси избегали встречаться с ним взглядом, явно чувствуя себя неловко.

Он тяжело вздохнул и сказал:

— Отец заботился обо мне. Боялся, что в старой, поношенной одежде, оставшейся от семьи, я буду выглядеть плохо на свадьбе, поэтому даже не дал мне в приданое ни одного предмета одежды. Не хотел видеть нас такими бедными, даже запретил возвращаться домой. А теперь, услышав, что у нас вроде бы все идет неплохо, только тогда позволил вернуться. Это моя вина, что я не умею различать, кто свой, а кто чужой. Хотя другие помогли нам в трудный момент, разве это может сравниться с отцовской заботой? Отец учился всю свою жизнь, оставшись туншэном, он наверняка понимает, как правильно поступать, гораздо лучше меня. Это я, как сын, оказался неправ.

Сказав это, он развернулся, взял из рук Цю Хэняня бумажный сверток, развернул его, достал что-то и, улыбаясь, протянул это растерявшейся Чжоу Яньлянь, лицо которой то краснело, то бледнело:

— Тогда, пожалуйста, передайте это моему отцу от моего имени, пусть это будет моим извинением.

Чжоу Яньлянь инстинктивно протянула руку, и Цин Янь положил ей на ладонь горсть дынных семечек. Лицо Чжоу Яньлянь сразу изменилось, но тут же послышался насмешливый голос Цин

Яня:

— Скажите отцу, что это моя дань сыновней почтительности ему. Пусть ест их помедленнее, чтобы хватило до конца года. А в конце года я, может быть, подумаю, вернуться ли домой и преподнести ему еще одну горсть.

В лавке кто-то не выдержал и рассмеялся. Чжоу Яньлян, опозоренная и взбешенная, залилась краской. Она тут же бросила семечки на пол и, выставив ногти, бросилась вперед, намереваясь расцарапать лицо Цин Яня.

Они стояли слишком близко, Цин Янь не успел уклониться или поднять руку, чтобы защититься. Его глаза уже видели, как острые ногти приближаются к лицу. Но в этот момент из-за его спины протянулась крупная рука, с глухим хлопком отбросившая руку Чжоу Яньлян назад. Она вскрикнула от боли и отступила на два шага.

Юй Цинси, видя это, всполошился, его глаза налились слезами. Он указал на Цю Хэняня, стоявшего рядом с Циньянем, и закричал:

— Как ты смеешь бить мою мать?! Я с тобой поквитаюсь!

С этими словами он бросился вперед.

Но Цю Хэнянь не стал отступать, а, напротив, сделал шаг вперед, перехватив его на полпути. Его крепкая фигура выпрямилась, взгляд стал твердым, и он, не отрываясь, смотрел на молодого человека, стремительно надвигавшегося на него.

Юй Цинси внезапно остановился, его глаза забежали, и он лишь для вида пригрозил:

— Ну, ты подожди! Я позову людей, чтобы разобраться с тобой!

После этих слов он схватил свою всхлипывающую мать за руку и стремительно выбежал из лавки.

Эта пара ушла, опозоренная и подавленная. На этом шумный конфликт завершился.

Лю Фа подошел и похлопал Цю Хэняня по плечу. Его жена вздохнула и сказала:

— У каждой семьи свои трудности, без этого никак.

На обратном пути воцарилась тягостная тишина. Когда повозка въехала в деревню, начался дождь. Цю Хэнянь и супруги Лю Фа быстро попрощались. Цю Хэнянь потянул Цин Яня за руку,

чтобы они вышли из повозки. Оба прижали к себе свои свертки и, пробежав через дождь, добрались до дома.

Когда они вошли, их халаты промокли почти насквозь. Холодно не было, но мокрая одежда липла к телу, причиняя неудобства.

Цю Хэнянь поставил принесенные вещи и протянул полотенце Цин Яню, сказав:

— Быстро вытри голову и тело.

Сам он снял мокрый до нитки халат и отправился во внешнюю комнату разжигать огонь, чтобы нагреть воду. Сухие дрова быстро разгорелись, и вскоре вода в котле начала закипать. Цю Хэнянь достал деревянную ванну, вымыл ее, несколько раз наполняя и выливая воду, пока не подготовил все для купания. Когда вода была готова, он перенес ванну в комнату.

Внутри Цин Янь уже успел вытереть волосы, которые теперь мягкими прядями лежали на плечах и спине. Набросив на плечи легкий плед, он сидел на краю кровати, о чем-то задумавшись. Когда Цю Хэнянь вошел с ванной, Цин Янь тут же поднялся, чтобы помочь, но Цю Хэнянь остановил его, мягко преградив путь рукой:

— Ты только недавно выздоровел, не заболей снова. Сиди спокойно, я сам все сделаю.

Цин Янь послушно сел обратно, наблюдая за тем, как Цю Хэнянь хлопочет. Однако, сидя там, он снова задумался и погрузился в свои мысли.

Когда все было готово, Цю Хэнянь, как обычно, предложил Цин Яню первым принять ванну. Только тогда тот очнулся от своих размышлений.

Цю Хэнянь уже собирался выйти и подождать в другой комнате, но его остановил мягкий голос:

— Хэнянь.

Цю Хэнянь замер и обернулся. Увидев, что перед ним, он непроизвольно широко раскрыл глаза, а его дыхание стало чуть более частым.

С плеч Цин Яня сполз легкий плед, открыв его тело. На нем был только новый, недавно купленный дудоу — тот самый, который, по его мнению, понравился Цю Хэняню.

Цю Хэнянь полагал, что эта повязка-дудоу закрывает хотя бы половину спины, но теперь, когда он видел ее на теле своего супруга, он понял, что лишняя ткань сзади, похоже, пошла на то, чтобы сделать ее более открытой спереди.

День еще не закончился, и Цин Янь, хоть и смущался, не стал скрываться. Его белоснежные руки неуверенно прикрывали грудь, а влажные глаза смотрели на Цю Хэняня.

— Тебе ведь нравится, правда? — тихо спросил он.

Горло Цю Хэняня пересохло, он с трудом сглотнул и кивнул:

— Да.

Цин Янь мягко улыбнулся.

— Я еще не носил его в воде, но подумал, что ты, может быть, торопишься его увидеть, поэтому примерил сейчас. А потом как раз постираю его во время купания.

Цю Хэнянь снова сглотнул, заставляя себя отвести взгляд. Его голос немного охрип, и он поспешно сказал:

— Я посмотрел, теперь твоя очередь мыться. Когда закончишь, зови меня.

Он хотел выйти, но снова был остановлен. На этот раз Цин Янь обратился к нему другим, нежным и трогательным словом:

— Муж.

Цю Хэнянь снова замер, слыша, как его супруг мягким голосом сказал:

— Вместе будет проще и быстрее. Давай помоемся вдвоем.

На лбу Цю Хэняня от напряжения начали проступать вены. Он закрыл глаза, пытаясь совладать с собой, но, в конце концов, не выдержал. Резко развернувшись, он широкими шагами подошел к Цин Яню, сжал его мягкую талию руками и, низким голосом, в котором звучала угроза, спросил:

— Ты что, решил завести ребенка?

Цин Янь поднял голову, посмотрел на него и поспешно замотал головой:

— Нет, я еще не готов...

Но Цю Хэнянь не дал ему договорить, прервав его слова легким, но ощутимым укусом за губу.

Это был настоящий укус, достаточно болезненный, чтобы вызвать слезы на глазах Цин Яня.

Цю Хэнянь отпустил его, дыша тяжело, и почти зло произнес:

— Еще раз так сделаешь, и я тебя...

Что он хотел сказать, осталось загадкой, потому что вместо продолжения он снова наклонился, мягко поцеловал губы Цин Яня, а затем быстро вышел из комнаты.

Цин Янь остался стоять на месте, его лицо, шея и грудь горели от смущения. Он и вправду не хотел никого провоцировать, просто в тот момент не задумался о последствиях.

Щеки пылали жаром, а на животе проявилось красное пятно гера — яркое и насыщенное. Думать о том, что могло значить это «я тебя...», он больше не стал. Вместо этого он быстро занялся делами, чтобы отвлечься, и отправился в ванну.

Когда оба вымылись, Цю Хэнянь оделся в домашнюю одежду, откинул занавес кровати и увидел, что Цин Янь, прислонившись к изголовью, снова был погружен в свои мысли, слегка нахмутив брови.

Цю Хэнянь сел рядом, начал аккуратно распутывать и укладывать его длинные волосы, спросив:

— Ты с самого возвращения не в себе. О чем думаешь?

Цин Янь повернул голову, глядя на него с легким смущением, и, закусив губу, пробормотал:

— Да ни о чем особенном.

Цю Хэнянь понял, что тот не хочет говорить, и продолжил сушить ему волосы, но Цин Янь не выдержал, ударил ладонью по циновке под собой и сердито воскликнул:

— Сегодня, когда в кондитерской мы встретили ту мать с сыном из семьи Юй, я был не готов, и ссора получилась просто ужасной! Я мог бы справиться гораздо лучше!

Цю Хэнянь отложил полотенце и посмотрел на него с непонятным выражением лица:

— Так ты, вернувшись домой, все это время думал только об этом?

Цин Янь кивнул.

— Я тебе вот что скажу, Хэнянь, — он начал размахивать руками, демонстрируя свои идеи, — В следующий раз... Если будет следующий раз, я обязательно справлюсь на порядок лучше!

Сказав это, он посмотрел на Цю Хэняня блестящими от энтузиазма глазами. Цю Хэнянь понял, что должен как-то отреагировать, поэтому сдержанно кивнул и сказал:

— Тогда я желаю тебе успеха.

*Дудоу или моду 口口 - нагрудник

<http://bllate.org/book/13590/1205207>